

Немало звонких дат ждет нас до конца нынешнего столетия, дат, которые будут память, помогают нам вынырнуть из беличьего колеса повседневности, чтобы хотя бы на мгновение задуматься о вечности. Такой датой наверняка станет 200-летие со дня рождения А. С. Пушкина, приходящееся на 1999 год. А пока вместе со светлым июнем близится не столь «круглый» юбилей. Он отмечен музеем поэта на Арбате и Павлом Бунинным широкой графической панорамой в выставочном зале, на улице Веснина, 32/55 (неподалеку от станции метро «Смоленская»). Это как бы пушкинский бал: представлено около трехсот посвященных поэту, героям его произведений работ известного художника и, отметим с удовольствием, постоянного автора нашей газеты. Но на сей раз он не рисует для «Вечерки», а отвечает на вопросы журналиста.

ПУШКИНСКИЙ БАЛ

— Павел, вы часто читаете Пушкина?

— Многое знаю наизусть...

— Пожалуйста, первое из любимых стихотворений, пришедшее сейчас вам на ум.

— Зачем ты послан был, и кто тебя послал?

Чего — добра или зла ты верный был свершитель?

Зачем потух, зачем блистал

Земли чудесный посетитель?

Несколько строк без названия были написаны в 1824 году и, на мой взгляд, стали прорывом в поэтический двадцатый век. Так бывает в творчестве. Назову хотя бы художников семнадцатого века: испанца Диего Веласкеса и голландца Франца Хальса, произведения которых предвосхитили, нередко превосходили работы отца импрессионизма французского Эдуарда Мане, творившего двумя веками позже.

— Вернемся, однако, к Пушкину и к вам. Что привело вас к нему?

— В трагическом для страны 1937 году исполнилось сто лет со дня гибели поэта. Издавались его книги, шли фильмы и спектакли, звучали радиопередачи. Юный школьник окупился в мир Пушкина и начал рисовать «картинки» из «Руслана и Людмилы». Не могу объяснить, почему эта поэма при-

влекала мое сердце. Рисунки попали на выставку детского творчества в Историческом музее, отсюда каким-то образом — в Пушкинский музей Ленинграда. Будучи взрослым, увидел я их там и на одном прочитал надпись, сделанную рукой моего деда: «Рисунок Павлика, 9 лет».

— Это были произведения вундеркинда?

— Совсем нет! Все безнадежно

слабо. Мальчишку следовало выпороть и заставить рисовать с натуры.

— Пушкинские музеи для вас — словно родная обитель. Сравнительно недавно была выставка в Михайловском...

— А настоящая, первая в жизни моей как художника, состоялась в том же ленинградском музее.

Послал туда без особой надежды несколько рисунков, ответа дол-

го не было, напомнил о себе, и вдруг — письмо. Директор музея (впоследствии мы крепко сдружились) сообщил, что едет в Москву и хочет посмотреть все мое пушкинское собрание, чтобы побольше отобрать для экспозиции. У меня же ничего, кроме посланного, не было. Пришлось неделю работать днями и ночами, так появилось около сотни работ. Практически все они попали на ленинградскую выставку, многие купили там.

Удачей обернулся первый в моей жизни заказ. Не считаю тут себя каким-то исключением. Все художники пишут, как правило, на заказ, что ничуть не умаляет их достоинства и достоинства произведений. Вспомню хотя бы «Бурлаков» Ильи Репина, которые были созданы не ради разоблачений царизма, а по заказу представителя царской семьи — великого князя.

— На сегодняшней выставке представлено около трехсот рисунков. Это вся ваша пушкинская серия?

— Нет, примерно треть.

— Что, кроме детских воспоминаний о столетии со дня гибели Пушкина, столь надежно связывало вас с ним?

— Он — сын восемнадцатого века, космополитически объединившего культурных людей мира, создавшего, как тогда говорили, всечеловеческую республику умов. Они владели общим для них языком — французским, увлекались одними книгами, поклонялись одним властелинам мысли — Вольтера читали, читали и в Лондоне, и в Костроме.

Пушкин был подлинным русским европейцем, таких мы знаем у нас единицы. Он одинаково свободно писал о Библии и о Коране, о Французской революции, об Англии, о Германии, Италии и вместе с тем — о Пугачеве, Петре... Для меня, как художника, Пушкин прорубил окно в Европу, в огромный мир, где свое место нашла даже любимая мною

древнегреческая, римская литература.

— Ваши пушкинские выставки видели в Лондоне, Вене, других европейских городах. Как к ним относились европейцы по прописке?

— Пушкин — очень «русско-язычный» поэт. Переводить его без огромных потерь практически невозможно. Даже набоковский «Онегин» на английском при чтении вызывает у меня чувство горечи.

Не скажу обо всех, но на выставках посетители искали придуманную ими Россию: просторные шубы, высокие шапки, в кои были наряжены пушкинские персонажи, церкви. Пугачева обычно принимали за Распутина — огромная борода и мрачный взгляд.

— Пушкин — и очень европейский, и очень русский... Посетители московской выставки смотрят по-другому?

— Конечно!

— Мне остается поблагодарить вас, Павел, руководителей музея, с любовью эту выставку устроивших, и пожелать, чтобы в первую декаду июня, когда по традиции отмечают пушкинские дни, люди могли приходить сюда.

И еще. Надо бы продлить эту выставку до пушкинских дней, до дня рождения поэта — 6 июня.

Б. ЯКОВЛЕВ.

Рисунки П. БУНИНА.

Рисунки А. С.

24.05.93